

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И.Н. Соломоник

НЕМНОГО О МАЛАККЕ И НЕМНОГО О КНИГЕ Е.В. РЕВУНЕНКОВОЙ «РОДОСЛОВИЯ СУЛТАНОВ»

В 2004 г. меня пригласили на конференцию в Куала Лумпур. Я выкроила день и поехала в Малакку. Современнейший комфортабельный автобус ехал по великолепной автостраде Бангкок–Сингапур. Путь был недолгий, часа полтора. В автобусе ехали местные жители. Через проход сидела молодая семья, в моем ряду — родители, в креслах перед ними — их дети, девочка лет четырех и мальчик лет двух. Некоторое время спустя мальчик поднялся на ножки, повернулся к родителям и что-то от них потребовал.

Мама взяла его на руки, сняла с него штанишки и, пододвинув стоящую в проходе корзину для мусора, превратила ее в детский горшок. Малыш пустил струю, мама натянула на него трусики, отправила обратно в кресло и безмятежно отодвинула от себя корзину.

Подобный контраст между достижениями технического прогресса и почти незатронутых этим прогрессом деревенских простодушных нравов поражал меня в Малакке на каждом шагу. Начиная со сверхсовременного огромного автовокзала, перед которым стояли потрепанные коляски велорикш и дряхлые, допотопные замызганные такси. Вдоль длинных улиц, ведущих к центру, — облупившиеся одно- и двухэтажные фасады. Казалось, что они картонные и вот-вот развалятся. Но вот и центр. Солидные каменные голландские постройки. Чуть дальше на высокой скале — остатки португальской крепости. На спусках современно устроенные дорожки с перилами. У бывших крепостных ворот — ста-

ринные пушки. Недалеко от крепости — два музея. Один из них и был для меня главной «приманкой» в Малакке. Про другой ничего заранее не знала. Оба были созданы недавно разбогатевшими малайзийскими властями.

Оба говорят о былой славе и мощи Малакки. Первый — это султанский дворец. Второй — огромный средневековый парусный корабль. Правда, оба музея лишь реконструкции. Но производят сильное впечатление: прошлое становится наглядным. Я, например, не могла до этого вообразить, что парусный корабль может быть таким большим: внутри несколько этажей, соединенных широченной могучей деревянной лестницей, огромные трюмы для товаров... Султанский дворец сверкает новеньким, покрытым лаком красноватым деревом. Несколько ступенек ведет в обширный зал. Вся его середина огорожена прозрачной стеной. За ней — мизансцена: султан принимает иностранных послов. Множество манекенов в человеческий рост расположено поодиночке и группами. У них разные позы, подлинные (полагаю) костюмы средневековой эпохи. Вдоль наружных стен зала — экспонаты и снова манекены в костюмах, рассказывающие о времени расцвета и могущества Малаккского султаната, о жизни, нравах и обычаях его жителей и правителей... Поездку в Малакку я вспомнила, когда в моих руках оказалась только что вышедшая из печати книга этнографа и филолога-малаиста Е.В. Ревуненковой «Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение» (СПб., 2008). В русском переводе название звучит как «Родословия султанов», в малаистике это произведение обычно называют «Малайские родословия» («Седжарах Мелаю»), но Е.В. Ревуненкова установила, что в оригинале это именно «Родословия султанов» («сулалат-ус-салатин»).

Передо мной увесистый том. Золотыми буквами по темно-вишневому фону написано его название. Внизу оно повторено арабской вязью (в Средние века малайцы писали арабскими буквами), за которой просматриваются контуры реконструированного средневекового султанского дворца.

Красиво! Жаль только, что в выходных данных не значится фамилия художника.

Е.В. Ревуненкова сделала перевод рукописи, состоящей из двух томов (факсимиле приложено в конце книги), прокомментировала подробно текст. В рукописи 34 рассказа, за каждым следуют комментарии переводчика. Она проследила историю создания этого произведения и его списков, в частности списка, попавшего в Петербург благодаря И.Ф. Крузенштерну, определила время появления оригинала и данного

списка, погрузила читателя в исторический, этнографический, мифологический, фольклорный и сказочный контекст рассказов, описала стиль «Родословий султанов».

Я не малаист-филолог, о достоинствах или недостатках перевода судить не могу. Могу лишь сказать, что читать рассказы «Сулалат-ус-салатина» («Родословий султанов») было любопытно, я воспринимала их как фольклорный материал, хотя понимаю, что для историков, этнографов, филологов они несут очень ценную информацию об эпохе. Что же касается исследовательских статей (или глав) вступительной части, комментариев, указателей, библиографии, то все это в своей совокупности вполне может заменить энциклопедию по малайскому средневековью. (Вот бы иметь при себе эту книгу, когда я бродила по султанскому дворцу! Как бы она помогла мне разобраться в персонажах султанского приема!) Думаю, что «Родословия султанов» станут настольной книгой для каждого, приступающего к изучению малайской культуры, во всяком случае — одной из основных.

Единственное, что, на мой взгляд, усложнит ее использование, — это обилие указателей. Их шесть. Вероятно, полезнее был бы чисто формальный подход, который свел бы все понятия, названия, термины в один общий указатель. Это сэкономило бы время читателя при использовании труда Е.В. Ревуненковой в качестве энциклопедического справочника.

Кроме того, огорчение вызвали некоторые стилистические небрежности (но здесь бóльшая вина редактора, так как у автора часто «глаз замылен», ему нужна помощь, свежий взгляд со стороны). Приведу несколько примеров таких досадных стилистических огрехов.

В рассказе 11-м (с. 215) ясно, хорошо описаны титулы и их отличительные признаки в одежде. Автор выделяет курсивом слова «сери», «санг», но почему-то в этот курсивный ряд встраивает русское слово «господин». В рассказе 33-м (с. 384) читаю: «и положил золото под притолоку и порог». Положить «под порог» можно, а вот «под притолоку» — нельзя, так как притолока — это брус над дверным проемом. В русском языке есть выражение «ростом под притолоку», и, видимо, это сбilo автора (а редактор не подставил ему плечо).

На с. 213 меня задела несогласованность видов глаголов во фразе «И все люди Малакки удивлялись, глядя на него, и сказали...» По-моему, или «удивлялись... и говорили», или «удивились... и сказали».

Смешно, чуть нелепо читается к комментариях к 3-му рассказу (с. 165) описание «круглобоких» сосудов. Это, конечно, термин Б.Б. Парникеля, на которого в данном случае ссылается автор, но он не закавычен, а в

современном языке, на котором даются комментарии, говорят все-таки «круглые», а не «круглобокие».

В рассказе 21 (с. 306) не очень точно выбран союз: «Когда сын вырос, то Пау Геланг умер». Разве отец умер от того, что сын вырос? Взросление сына было условием смерти отца? В том же рассказе на с. 307 стилистически выпадает ответ принцессы своему супругу словом «Ладно». Это фамильярно-грубоватое словечко из нашего быта, а не из лексикона высокопоставленных персонажей «Родословий».

Встречаются и досадные описки, вроде той, что на с. 161: «И заметил государь, что на земля на том берегу покрыта белым песком». Или на с. 47: «Повесть об Амуре Хамхе» вместо «Хамзе», «Притча о попуге» (вместо «попугае») и т.п.

Но все эти мелкие огрехи не могут, конечно, затмить ценности огромного труда Е.В. Ревуненковой, книга которой, без сомнения, будет служить великолепным пособием для всех, кто будет заниматься малайским средневековьем, будет его изучать.